

ГРАЖДАНИН МИРА

В. Н. МОХОВ

А. Д. Сахаров, начало 1950-х гг.

Мое первое знакомство с Сахаровым и Зельдовичем состоялось в нашем министерстве, куда нас (выпускников МИФИ 1955 г., уже получивших дипломы) пригласили, не сказав, зачем. Многие из приглашенных уже определились с работой. Я поступил в аспирантуру к Аркадию Бенедиктовичу Мигдалу, мне предоставили комнату в трехкомнатной квартире в Москве. Я был очень доволен и ехать (никуда, неизвестно куда) не собирался.

В министерстве мы сидели и ждали собеседования. Вошли два клерка, оба отменно плохо одеты, в мятых брюках. Один – высокий и худощавый, другой – кругленький, толстенький, с засаленными локтями пиджака. Принесли они бумагу и карандаши, сели и вдруг стали задавать вопросы по специальности. Я до сих пор помню задачи, которые они нам предлагали. Красивые задачи. Мы сразу поняли, что это не клерки. Они понимали друг друга с полуслова, импровизировали, причем сделать им надо было все так, чтобы случайно не подсказать студенту ответ. Буквально искры сыпались, когда они придумывали эти задачи. Причем им нужно было выяснить способности того человека, кото-

рый не хотел к ним идти и соответственно себя вел. Я собирался остаться в Москве, у меня был прекрасный руководитель. Я сквозь зубы пару слов процедил по поводу их задач, а потом просто отказался отвечать. Беседа была такая. Но они сказали: «Мы Вас берем». Из двадцати человек выбрали меня и Евгения Семеновича Павловского, недавно умершего. Для Жени это был выход: он чудом удержался в МИФИ во время чисток. Его отец, еврей, тогда сидел в тюрьме, поэтому с распределением у него были сложности...

А я еще месяца три отказывался ехать, мой руководитель Мигдал хлопотал за меня, к Курчатovu много раз ходил. Но в конце концов мне попросту стало нечего есть, и ехать все же пришлось.

Я Зельдовичу говорил: «Зачем вам брать человека, который с вами работать не хочет? Неудобно как-то». А он мне отвечал, что неудобно только штаны через голову надевать. Они были настолько уверены в нужности, чрезвычайной важности той работы, на которую они меня берут, что у них никаких моральных вопросов не возникало, даже у Сахарова. Правда, Сахаров грубо не мог ответить, он был очень деликатный человек. Я приехал в Саров в 1955 г. и удивился: в самом закрытом месте должны быть самые суровые законы, а все совсем наоборот. Здесь можно было говорить о таких вещах, о которых я у себя в Энгельсе, где родился, или в Москве, где учился, и пикнуть не смел. Можно было рассказывать анекдоты, обсуждать философские вопросы, говорить о противоречиях коммунистической идеологии. Все понимали, что нас прослушивают, но никто этого не боялся.

Рассуждая о ядерном заряде, мы говорили о том, морально или аморально этим заниматься. Когда пошла речь о модернизации зарядов и стали обсуждать их более высокие боевые качества, возник вопрос, а для чего заряды делаются и какие требования к ним нужно применять. Естественно, поднимались вопросы военной стратегии, тактики. А они связаны с вопросами устройства государства в настоящем и будущем. Возникает необходимость сравнивать различные государства. Все это очень и очень

детально обсуждалось. Я бы не сказал, что Сахарову принадлежит приоритет в постановке этих вопросов. В его среде были люди, которые этими вещами не просто интересовались – анализировали, делали выводы. Да и вообще один человек, сам по себе, не смог бы подняться на такую ступень осознания проблем общества и мира, даже если это был Сахаров.

Достаточно вспомнить, как Николай Александрович Дмитриев написал письмо о неправильности в управлении государством и его исключили из партии. В первичной организации три человека за это не проголосовали. Их перевели в кандидаты. Пока дело Дмитриева тянулось, появились публикации статей и выступлений Хрущева, где он предлагал перейти от централизованного управления к региональному. Когда дело Дмитриева стали вновь рассматривать, то сказали, что исключать-то его не за что. Дмитриев был восстановлен в партии, а те, кого перевели в кандидаты, так и остались кандидатами.

Как-то раз я пришел к Андрею Дмитриевичу Сахарову посоветоваться. В прошлом – исправный студент, проштудировавший «Капитал» Маркса, я старался понять некоторые его нелогичности, тем не менее в классовую теорию свято веровал. Размышляя над ней, я решил, что логическим путем можно доказать: через некоторое время ведущим классом в обществе будет не пролетариат, а интеллигенция, которая множится, специализируется и занимает ведущие позиции. Такую статью я написал и решил опубликовать. Андрей Дмитриевич никак меня не отговаривал. Он сказал мне другое: «А кто вам сказал, что классовая теория справедлива? Кто вам сказал, что борьба классов двигает историю? Это совсем не так». Он очень просто мне все это показал. После чего я выкинул свою статью – просто понял, что она неверна.

Сейчас чаще вспоминают Сахарова как политического деятеля. Но в первую очередь Сахаров – ученый. На 90 % ученый. То, что он сделал как политик, составляет меньше 10 % его заслуг перед мировым сообществом. Я думаю, что его политические выступления так остро воспринимались именно потому, что он был необычайно талантливым, просто гениальным ученым. Мир узнал Сахарова-политика в то время, когда он физически и интеллектуально уже имел одну десятую своего прежнего потенциала ученого. Когда я увидел Андрея Дмитриевича на трибунах, это был другой Сахаров. Прежний думал быстро, блестяще, не путался. На трибуне

он терялся, мялся, был каким-то растерянным. Это не тот Сахаров, которого мы знали.

В 1955 г. меня сразу распределили к Зельдовичу и Сахарову. Хотя формально это были два подразделения, два сектора, но никто не помнил, где кончается один и начинается другой. Я числился у Зельдовича, а отчеты подписывал и решал вопросы с Сахаровым.

Вообще они очень дополняли друг друга. Зельдович думал открыто, например, мог задуваться у доски. У него были ученики, которыми он занимался. Он мог увидеть ошибку, когда ему приносили какую-нибудь задачу. Совсем по-другому вел себя Сахаров. Я мог понять, как думает Зельдович, как думает Дмитриев: они были выше меня по интеллекту, но мне было понятно, как они думают. А вот как Сахаров думает, я не понимал. И другие не понимали. Зельдович говорил в то время: «Непонятно, как Сахаров думает». Знаете, бывают люди-счетчики, умеющие перемножать в уме огромные цифры. Как они это делают, они и сами не знают. Наверное, ум Сахарова был устроен как-то похоже. Но у него был не интуитивный ум. Он мог выйти и сказать, что сейчас сформулирует верную теорему, и произносил формулировку. Мы просили ее доказать. Он отвечал: «сейчас-сейчас», мялся, потирал руки и опять повторял то же самое. А через несколько дней Зельдович эту теорему доказывал. Андрей Дмитриевич знал, когда он правильно говорит, а когда его теорему Зельдович опровергнет. Такая удивительная манера мышления. Когда к нему приходили с какой-нибудь конкретной рабочей проблемой, получить ответ было непросто. Во-первых, его надо было заинтересовать вопросом, и тогда он мог сказать, правильный или нет получен ответ. Но

А. Д. Сахаров и Я. Б. Зельдович

Р. Рейган и А. Д. Сахаров, 1988 г.

просить Андрея Дмитриевича найти ошибку было бесполезно. Следить за выкладками, особенно если они были большими, он никогда не любил. Это был человек в себе. Он сидел и работал все время один. Большинство его отчетов шли за одной – его собственной – подписью. В год он выдавал примерно по одной, но о-очень крупной идее. Я даже помню случай, как Зельдович сказал ему: «Андрей Дмитриевич, у вас уже второй год ни одной сногшибательной идеи нет».

Еще у Андрея Дмитриевича, как ученого-прикладника, была одна особенность – он редко ошибался. Хотя он очень смелые идеи выдвигал. Вот, скажем, конструкция заряда. Нужно сделать все так, чтобы он не отказал. Предусмотреть все-все-все – это необычайно сложно. А у Сахарова ни одно изделие не отказывало. И не только здесь. Такой он был даже в житейских вопросах. Это сказки, что он был «не от мира сего». Он был вполне житейский человек, знающий слабости человеческой души, подлости людей... Он понимал абсолютно все. Он умел бороться за свои права.

Из ОПМ (отделение прикладной математики) пришел отчет, в котором рассматривалась одна из идей Сахарова как собственность автора. На это все обратили внимание. Зельдович сказал: «Андрей, это такая мелочь, не будем связываться, бог с ними». На это Сахаров возразил так: «Это действительно мелочь и можно было бы не заметить, но я хочу иметь с ОПМ хорошие отношения, а если человек у кого-то что-то украдет, он не любит того человека, у которого он что-то украл. Поэтому давайте заставим на нас сослаться».

Был в нашем институте молодой специалист Н. Потом он уехал в Москву. И вдруг Р. Зайдель узнал, что этот Н. подал в журнал статью, в которой, как свои собственные, излагал результаты работ одного из наших математиков. Зайдель

пошел к Сахарову. Андрей Дмитриевич вызвал Н. к себе, тот поклялся, что он заберет статью из журнала. Зайдель приезжает из Москвы (а Сахаров еще оставался там), пришел ко мне и говорит: «Н. обманул Сахарова и меня, нам сказал, что заберет статью, а сам не только не забрал, но даже просил ускорить публикацию. Нужно срочно связаться с Сахаровым». Я, зная Андрея Дмитриевича, сказал: «Роберт, в то, что Н. тебя обманул, я могу поверить, но в то, что он обманул Сахарова – в это я не верю. Давай подождем, когда Андрей Дмитриевич вернется». Через два дня мы узнали, что, предполагая, как будут развиваться события, Андрей Дмитриевич сам позвонил в редакцию журнала и статью Н. убрали. Сахарова обмануть было невозможно. Даже по поводу всевозможных розыгрышей Зельдович говорил, что с Сахаровым неинтересно: он тут же все раскрывает.

Я уж не говорю о научных достижениях, они у него потрясающие и в закрытой области, и в области открытой. Свою идею о нестабильности протона, которая в то время противоречила всем существующим взглядам, Сахаров выдвинул, исходя из очень общих космологических соображений. И когда он подготовил статью и показал ее Зельдовичу, тот сказал: «Андрей, не позорься. Имей совесть». А по прошествии многих лет оказалось, что Сахаров был прав. То есть дальновидность у него была просто поразительная.

Он был широко образован. Вот, скажем, Зельдович начинает изучать только что появившуюся отрасль науки. Устраивает семинар с целью взаимного обучения. Но когда возникали трудные вопросы, за разъяснением участники семинара шли к Сахарову. Знания были как бы впитаны им с молоком матери.

Одно время он генетикой занялся и очень глубоко ее сразу стал понимать. Вот какие были последствия. Во времена Хрущева проходили выборы в Академию наук. Среди кандидатов был и сторонник Лысенко Нуждин, один из преследователей генетики. На своем отделении он в академики прошел, оставалось это решение утвердить на общем собрании Академии наук. Обычно такая процедура была уже делом формальным. Но когда на общем собрании стали зачитывать характеристику претендента, – что-то вроде того, что он верный защитник идей Лысенко, борец и так далее – Сахаров выступил против Нуждина. Что борец, сказал, верю, но за что он боролся и с кем, надо еще разобраться. И Нуждина провалили.

А. Д. Сахаров

У нас ведь очень осторожные люди есть, которые не всегда будут проявлять симпатию к человеку, попавшему в неприятную ситуацию. Но по отношению к Сахарову этого не было: с ним не стеснялись поддерживать контакты.

Его последний приезд на «объект» я очень хорошо помню. Мы собрались у Юрия Алексеевича Трутнева. Сахаров приехал взять какие-то свои вещи. Мы решили отправиться за грибами. Ходили по лесу, была очень хорошая погода, а думали не о грибах. Никто ни одного гриба не нашел – нам солдаты потом подарили несколько штук. Разговаривали. Это был печальный вечер.

Мы очень жалеем, что Сахаров ушел из ВНИИЭФ. Это для института был сильнейший удар. Я думаю, что ВНИИЭФ после этого никогда не оправится.

Он очень не хотел уходить. Его на самом деле «ушли». На начальном этапе существования института ситуация была такая, что практически все определяли ученые. И даже министр был исполнителем их воли. Естественно, очень многим чиновникам это не нравилось: в других министерствах они хозяева, а здесь, понимаете, Сахаров. А интриговать они умели. Его «ушли» администраторы. Бюрократы. Они его поймали на одном шаге. Но это – моя личная интерпретация, может быть, неправильная.

Готовился к взрыву стомегатонный заряд. Сахаров и другие посчитали, сколько смертей придется в мире на одну мегатонну. Расчеты показывали появление нескольких тысяч пороговых мутаций. Поэтому возникла необходимость заряд испытывать в «ослабленном» варианте. Радиоактивность тем самым во много раз снизили, но можно было еще снизить. Хотя это было связано уже с некоторым риском. «Наверху» делали вид, что они почти согласны с Сахаровым, что надо только чуть-чуть что-то где-то до-

работать. И тут Сахаров сделал заявление, что если его требования ограничений на мощность взрыва не будут выполнены, он уйдет. Капкан захлопнулся. Испытания провели так, как он не хотел. Сахаров перестал работать сразу. Но он мучился, говорил о том, что после этого он просто обязан уйти, иначе с учеными уже не будут считаться. И он ждал, что к нему кто-то обратится, кто-то на кого-то повлияет, кто-то кого-то остановит, кто-то извинится перед ним. И он бы остался. Но этого не произошло. У него была должность (она всегда за ним сохранялась) в ФИАНе, он перешел туда. Это была для нас, конечно, потеря. Он бы принес большую пользу, если бы оставался у нас. Тогда, ясно, он политической занимался бы меньше.

Зельдович ведь тоже хотел вернуться. И ему тоже не позволили. Это только подтверждает мою гипотезу о том, что слишком большими людьми неудобно управлять.

Андрей Дмитриевич отсюда уже уехал, моя первая жена очень тяжело болела и лежала в «шестерке» почти целый год. Сахаров жил неподалеку, и я часто бывал у него дома. Мы с ним гуляли в любую погоду. И он мне рассказывал о своих занятиях общественными вопросами, я специально не говорю «политическими», хотелось бы помягче сказать. В частности, ему нужно было добиться, чтобы его начали ругать. Самой страшной для него тогда была политика замалчивания всего, что он делал. Зная способности Сахарова, я понимал, что он переиграет наших коммунистических политиков. И его все-таки начали ругать, он добился своего. В это время у нас все симпатии были на его стороне. Более того, была уверенность, что Сахаров все равно окажется прав.

Я сам политикой не занимаюсь, но вижу, что взгляды Сахарова сильно искажают. Например, сейчас его сделали чуть ли не сторонником рыночных отношений. Он никогда их сторонником не был. Андрей Дмитриевич считал, что две системы – капитализм и социализм – конвергируют и дадут что-то среднее, типа шведского варианта, где свобода регулируется государством.

МОХОВ Владислав Николаевич –
доктор физ.-мат. наук, лауреат Ленинской премии